

SACRA ARGEORUM КАК ЖРЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Основные жанры римской историографии республиканского времени – анналистика и антикварианизм – прошли длительный период становления. Ориентируясь на греческие образцы, римские авторы в то же время творили историю своего Города, выстраивая ее, как правило, вокруг религиозных культов, остававшихся на протяжении веков частью повседневной жизни римского общества, и тех прецедентов, которые относились к сакрально-правовой сфере жизни римской *civitas*. Подобная информация оседала в документах основных жреческих коллегий – понтификов и авгуров – и стала объектом внимания отдельных жрецов, которые занимались ее толкованием. Складывавшаяся таким образом жреческая традиция сыграла решающую роль в окончательном оформлении анналистического жанра, заполнив хронологический отрезок, пролежавший между основанием Города и текущими событиями, историческими и псевдоисторическими рассказами¹.

Став основой анналистического повествования, жреческая традиция, включившая в себя также и документы жреческих коллегий², «растворилась» в эпическом повествовании анналистов. Тем больший интерес представляет для нас отрывок из сочинения римского антиквара Марка Теренция Варрона *De lingua Latina*, относящийся к так называемому культу аргеев, который приводится как выдержка из документа под названием «Священнодействия Аргеев» (*Sacra Argeorum* или *Sacrificia Argeorum* – Varro. *L. L.* 5.45–54). Это единственный в античной историографии случай перечисления святилищ, которые принято называть аргейскими, с точным указанием их местоположения. Однако сам по себе этот факт не объясняет происхождение культа, частью которого была жреческая процессия, обходившая указанные в документе священные территории.

Документальное происхождение приведенного Варроном отрывка не вызывает сомнения; проблемным является определение характера этого документа. Нам предстоит ответить на следующие вопросы: относится ли интересующий нас фрагмент к числу жреческих документов; если да, то с какой целью он был составлен.

Жреческая традиция, сохраненная Варроном, имела в его сочинении прикладное значение, выступая часто в роли примеров архаичных слов и выражений. Поэтому для ее истолкования мы постоянно будем обращаться к аналогичной информации, содержащейся в других источниках, представленных разнообразными жанрами – от исто-

¹ Подробнее об этом см.: Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н. э. М., 2005.

² Там же. С. 61–72, 77–81, 274.

рических трудов и поэтических произведений до поздних комментариев к сочинениям авторов классической эпохи.

Сведения Варрона и других авторов

Следует отметить, что документ приводится в сочинении Варрона не сплошным текстом, а разбит на четыре отрывка, которые перемежаются собственным комментарием антиквара. В силу этого обстоятельства документ не имеет самостоятельного значения, а иллюстрирует подаваемую Варроном информацию о сакральной топографии древнейшей части Рима, связанной с культовыми церемониями аргеев. Основываясь только на сведениях, которые передает Варрон, мы можем составить себе следующее представление об интересующем нас культе.

Прежде всего, название «аргеи» относилось к двадцати семи святилищам, распределенным среди четырех районов Города – Субуранского, Эсквилинского, Коллинского и Палатинского. Разделение Рима на четыре района (трибы) традиционно связывается с именем Сервия Туллия (Liv. I.43.13; Dion. Hal. Ant. Rom. IV.14). Варрон (L. L. V.45) также объясняет происхождение названия «аргеи». Судя по всему, он ссылается на широко распространенное мнение (*putant*), что аргеи это – вожди, которые пришли в Рим с Геркулесом Аргивским и осели в Сатурнии.

Из двадцати семи существовавших святилищ Варрон назвал только четырнадцать. Из этого числа двенадцать святилищ он локализовал, следуя непосредственно документу; в двух остальных случаях он, по-видимому, опирался на авторитет юриста и антиквара II в. до н. э. Юния Гракхана (*eidem regioni adtributa Subura; ...in eo est Argeorum sacellum sextum. Suburam Iunius scribit ab eo, quod... – L. L. V.48*), либо вообще не называет источник своей информации (V.46). Далее Варрон вновь возвращается к аргеям, комментируя стих из «Анналов» Энния о сакральных установлениях Нумы Помпилия (VII.44 = Enn. Ann. 120–21. Vahlen). Цитата из произведения Энния сама по себе представляет интерес, так как позволяет говорить о том, что поэт владел интересной информацией, относящейся к религиозным институтам. В этой связи Варрон предлагает свою этимологию и объяснение происхождения жречества аргеев. Согласуясь с уже упомянутой широко распространенной в его время этимологией, Варрон производит аргеев от аргивян. Однако на этот раз аргеями он называет двадцать семь сплетенных из тростника человеческих фигур, которые каждый год сбрасывались жрецами со Свайного моста в Тибр, причем делалось это всенародно (*Argei fiunt e scirpeis, simulacra hominum XXVII; ea quotannis de Ponte Sublicio a sacerdotibus publice deici solent in Tiberim (L. L. VII.44)*).

Таким образом, опираясь исключительно на сведения Варрона, можно утверждать, что аргеями назывались сделанные из тростника куклы, напоминавшие людей. Число этих кукол и число святилищ, распределенных по четырём районам Города, совпадало и составляло двадцать семь, что указывает на непосредственную взаимосвязь между

ними. В святилищах, очевидно, готовили тростниковых кукол, которые сбрасывались в Тибр. Эта церемония повторялась каждый год, и в ней, несомненно, участвовали понтифики (у Варрона они значатся просто как жрецы), связанные, как мы уже видели, со всеми священнодействиями, проходившими на Свайном мосту.

По мнению Дж. Фрезера, Варрон, вероятно, более полно описал этот обряд в утраченном сочинении «Древности человеческие и божественные» и рассказы последующих авторов основаны на описании римского антиквара³. Действительно, все, чем мы располагаем об аргеях (за исключением стихотворной строки Энния), относится к более позднему времени.

Судя по сведениям Овидия, церемония, связанная с аргеями, приходилась на 16 и 17 марта и выражалась в обходе аргейских святилиц (*itur ad Argeos – Fasti. III.792*). Кроме того, поэт описывает совершавшийся 14 мая обряд сбрасывания с дубового моста в Тибр чучел (*simulacra*) старых мужей (*Fasti. V.621–22*). Отмеченный Овидием обряд хотя напрямую не отождествляется с аргеями, совпадает со свидетельством Варрона о тростниковых куклах, названных им аргеями, которых сбрасывали в Тибр со Свайного моста. В качестве исполнителей этого обряда у Овидия названы весталки. Значительное внимание Овидий уделяет объяснению происхождения этого обряда. Либо чучела заменяли человеческие жертвоприношения, которые существовали в Лации до прихода Геракла и предназначались Сатурну (*Fasti. V.627–32*), либо напоминали о том времени, когда «юнцы стариков низвергли с помостов», чтобы те не голосовали в народном собрании (*Fasti. V.633–34*). Так, объяснения поэта впервые связали майскую церемонию с человеческими жертвоприношениями, а заменившие их чучела оказываются сделанными из соломы (*simulacra virorum scribea*).

В римской традиции действительно можно найти следы человеческих жертвоприношений. Цицерон, например, обвиняет одного из недоброжелателей Секста Росция в том, что тот вопреки обычаю предков сбросил человека с моста в Тибр, хотя ему еще не было шестидесяти лет (*habeo etiam dicere quem contra morem maiorum minorem annis LX de ponte in Tiberim deiecerit – Pro Rosc. 100*). На существование в Риме обычая сбрасывать в Тибр шестидесятилетних старцев намекает и Овидий, хотя сам же сомневается в этом (*Fasti. V.636*)⁴. О принесении в жертву людей на Бычьем Форуме (двух галлов и двух греков обоего пола – *Plut. Q. R. 83*) после поражения при Каннах рассказывает Ливий, причем отмечает, что это место специально было огорожено камнями и использовалось для человеческих жертвоприношений в прежние вре-

³ Frazer G. The Fasti of Ovid. L., 1929. Vol. 4. P. 76.

⁴ Причиной появления такого обычая считали голод, разразившийся в Риме после нашествия галлов в 390 г. до н. э., или избирательный закон того же времени, запрещающий римлянам старше шестидесяти лет участвовать в выборах на народных собраниях (*Fest. p. 452 L.*).

мена (XXII.57.6)⁵. Однако эти примеры никак не связывают обычай совершать человеческие жертвоприношения со священнодействиями аргеев.

Овидий относит происхождение обряда, совершаемого на Свайном мосту, к грекам, точнее – к ахейцам Алкида, которые пожелали таким способом после смерти достичь водным путем берегов родного Аргоса. Но их просьба была выполнена только отчасти: вместо тел в реку были брошены тростниковые куклы⁶. Итак, у Овидия майская церемония на Свайном мосту, во-первых, не связана с аргеями, а во-вторых, ее происхождение от человеческих жертвоприношений – одно из трех возможных объяснений, которые приводит поэт.

Лаконично говорит об аргеях Ливий: как и у Энния, они учреждены Нумой, а сам термин относится не столько к священнодействиям, сколько к местам, предназначенным для жертвоприношений⁷. Представление об аргеях как о священных местах хорошо согласуется с перечнем аргейских святилищ у Варрона. Также и Фест, сведения которого, в конечном счете, восходят к Варрону, называет аргеями те места в Риме, где были похоронены выдающиеся мужи из греков (*Argea loca Romae appellantur, quod in his sepulti essent quidam Argivorum illustres viri* – Fest. p. 18 L). Наконец, Макробий говорит только об обычае сбрасывать со Свайного моста изображения людей. Этот обычай, со ссылкой на Эпикада, он приписывает Геркулесу, который таким образом решил вернуть на родину своих товарищей, погибших в странствиях (*Sat. I.11.47*). Как сообщает Светоний, Корнелий Эпикад – вольноотпущенник диктатора Суллы – был служителем при священнодействиях авгуров (*calator in sacerdotio augurali* – *Gram. 12*). Поэтому можно предположить, что связь обряда, происходившего на Свайном мосту, с нововведениями Геркулеса, то есть с распространением греческих ре-

⁵ О таком же жертвоприношении на Бычьем Форуме, совершенном после I Пунической войны упоминает Плутарх (*Marcel. 3*). Об обычае закапывать на Бычьем Форуме грека и гречанку в качестве умиловительной жертвы говорят Плиний Старший (*Nat. hist. XXVIII.12*) и Орозий (*IV.13*).

⁶ Ovid. *Fasti* V.645–660. О таком же случае рассказывает и Веррий Флакк (*Fest. p. 450 L*), но происхождение обычая он связывает с греческим послом Аргеем, который умер в Риме, и жрецы бросили его тело в Тибр, чтобы оно приплыло на его родину.

⁷ *Multa alia sacrificia locaque sacris faciendis, quae Argeos pontifices vocant, dedicavit* («он учредил многие другие священнодействия и посвятил богам места для жертвоприношений, которые понтифики называют «Аргеями»» (*Liv. I.21.5*). Л. А. Кофанов толкует этот текст Ливия некорректно, считая, что и священнодействия, и места для жертвоприношений относятся к аргеям. См.: Жреческие коллегии. С. 29. Однако такое понимание противоречит грамматической структуре предложения. Относительное местоимение *quae*, являющееся прямым дополнением к глаголу *vocant*, соотносится со словосочетанием *sacris faciendis*, которое стоит в *dat. commodi*. Л. А. Кофанов приписывает Ливию представление о многочисленности и разнообразии аргейских священнодействий и мест для жертвоприношений. На основании этого тезиса он отождествляет культ аргеев с другими ритуалами года, когда совершались человеческие жертвоприношения, замененные в историческое время разнообразными предметами, и делает вывод о предназначении святилищ аргеев для совершения человеческих жертвоприношений (Жреческие коллегии. С. 39).

лигиозных представлений в Риме⁸, установилась в жреческих кругах и стала устойчивой частью жреческой традиции.

Объяснение происхождения обряда у Макробия почти полностью согласуется с тем, что можно встретить у Овидия, с той лишь разницей, что поэт приписывает авторство этого обычая другому греку. Кроме того, приведенный отрывок из сочинения Макробия является частью рассуждений о наиболее «удобных» жертвоприношениях. Обычно изготавливать изображения людей при проведении священнодействий автор предпочитает возжигать восковые свечи, как это делается для Сатурна, или приносить за себя некие восковые изображения, как это делается для Юпитера Дита (*coepisse Saturno cereos potius accendere et in sacellum Ditis arae Saturni cohaerens oscilla quaedam pro suis capitibus ferre* – *Sat. I.11.49*). Таким образом, у нас нет оснований полагать, что Макробий связывал каким-то образом майский ритуал с человеческими жертвоприношениями, а последние – со святилищами аргеев.

Греки Дионисий Галикарнасский и Плутарх проявляли интерес к римским священнодействиям и сохранили важные для нас сведения. Дионисий связывает с нововведениями Геркулеса обряд сбрасывания в Тибр похожих на людей изображений, заменивших человеческие жертвоприношения. Этот обряд являлся частью церемонии, завершившейся на Свайном мосту 15 мая. Участниками обряда были понтифики, весталки, преторы (*στρατηγοί*) и граждане, которые могли на законном основании присутствовать при этом священнодействии (*τῶν ἄλλων πολιτῶν οὐς παρεῖναι ταῖς ἱεροουργίαις θέμις* – *Ant. Rom. I.38.3*). По Дионисию, изображения – числом тридцать – сами римляне называли аргеями. Объяснения Дионисия во многом принимает и Плутарх. Он связывает обычаем сбрасывать в реку изображения людей или с Геркулесом, или с Эвандром. В обоих случаях Плутарх видит в этом обряде замену человеческих жертвоприношений, для которых использовались пленные эллины или враждовавшие с аркадцами аргивяне (*Q. R. 32*). Время исполнения этого обряда приходится у Плутарха на майское полнолуние, то есть на 14/15 мая. Греческий биограф – единственный из всех авторов, который называет эти майские священнодействия «важнейшими очистительными обрядами» (*ἢ ὅτι τῷ μὲν τοῦτω τὸν μέγιστον ποιοῦνται τῶν καθαρῶν, ἔνν μὲν εἶδωλα ριπτοῦντες ἀπὸ τῆς γεφύρας εἰς τὸν ποταμὸν πάσαι δ' ἀνθρώπους* – *Q. R. 86*).

Таким образом, сохранные в источниках сведения рисуют следующую картину аргейского культа. Согласно единодушному признанию античных авторов, культ аргеев очень древнего происхождения. Он восходит ко времени до основания Рима. Данные о святилищах аргеев и о майской церемонии сбрасывания с моста тростниковых (или соломенных) чучел представляют собой самостоятельные сюжеты в сочинениях античных авторов. Эти авторы (за исключением Варро-

⁸ Плутарх (*Q. R. 32*) замечает, что италийцы в старину называли аргивянами всех эллинов.

на) описывают более или менее подробно церемонию, проходившую на Свайном мосту. Ее связь с аргеями основывается на принятой Варроном этимологии, восходящей к 'Αργεῖοι – грекам-аргивянам, посетившим место будущего Рима. Мотив человеческих жертвоприношений как части аргейских священнодействий появился уже после Варрона и стал одним из возможных толкований майской церемонии.

Историографическое состояние проблемы

Современные исследователи римской религии предлагают столь же разнообразные интерпретации культа аргеев, как и античные авторы. Прежде всего, это относится ко времени возникновения церемонии. Самое древнее происхождение культа отстаивал Т. Моммзен. Он относил его возникновение ко времени существования трех древнейших триб, которые предшествовали делению Города на четыре района. В каждой из трех триб имелось девять *sacella* аргеев и, таким образом, всего насчитывалось двадцать семь святилищ⁹. Впоследствии Э. Гьерстед отнес культ аргеев также к догородской фазе развития Рима, когда каждый холм являлся самостоятельной территорией¹⁰. Крайнюю позицию в этом вопросе занял Г. Виссова. Возникновение культа он поместил в период между первой и второй Пуническими войнами¹¹.

Другие историки обращали внимание на греческий мотив в объяснении содержания аргейской церемонии. На этом основании они относили возникновение всего культа к III в. до н. э., когда впервые в римской религиозной жизни проявилось греческое влияние¹². Но этим не исчерпываются варианты решения существующей проблемы. Л. Клеричи относит возникновение церемонии аргеев ко времени после вторжения галлов в 390 г. до н. э.¹³ Такая датировка культа определяет и его содержание как искупительной церемонии римского народа, состоявшейся после освобождения города от галлов. Для ее проведения, как утверждает автор, была создана специальная коллегия из обитателей района *arx* (*collegia arceorum*), который в то время являлся самостоятельной территорией Капитолийского холма. В первой половине III в. до н. э. у односложных существительных на -x в косвенных падежах 'c' уступило место 'g'. Поэтому *arcei* стали известны под именем *argei* и в такой форме попали в жреческий документ. Новое правописание затушевало происхождение слова, тогда как ежегодная церемония продолжала осуществляться¹⁴. Выдвинутое историком объяснение оставляет без ответа вопрос, как могла быть забыта связанная с освобождением Рима ежегодно проводимая искупительная церемония, в то время как в памяти римлян сохранилось малопривлекательное обстоятельство

⁹ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 3. S. 114.

¹⁰ Gjerstad E. Legends and Facts of Early Roman History. Lund, 1962. P. 22.

¹¹ Wissowa G. Argei // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 700.

¹² De Sanctis G. Storia dei Romani. Torino, 1907. Vol. 1. P. 201.

¹³ Clerici L. Die 'Argei' // Hermes. 1942. Bd. 77. S. 100.

¹⁴ Ibid. S. 94–96.

освобождения их Города от галлов с помощью выкупа (Liv. V.48.8–49.3; Plut. *Camil.* 28–29).

Обратимся еще раз к сочинению Дионисия, где сохранилось самое полное прозаическое описание церемонии, которую традиционно связывали с аргеями. Дионисий, пожалуй, единственный автор, который называет всех участников церемонии на Свайном мосту. Это – понтифики, девы, следящие за вечным огнем, то есть весталки, преторы и те граждане, которые законно могли присутствовать при обряде (*Ant. Rom.* I.38.3):

ποντίφικες, ἱερέων οἱ διαφανέστατοι, καὶ σὺν αὐτοῖς, αἱ τὸ θάνατον πῦρ διαφυλάττουσαι παρθένοι στρατηγοὶ τε καὶ τῶν ἄλλων πολιτῶν οὓς παρεῖναι ταῖς ἱερουργίαις θέμις εἶδωλα μορφαῖς.

Перечень участников позволяет предположить, что церемония не включала всех граждан, а была обязанностью только жрецов и некоторых магистратов¹⁵. Это обстоятельство позволяет думать, что обряд на Свайном мосту относился к числу тайных священнодействий (*arcana sacra*), к которым не допускалась непосвященная публика. Сценарий исполнения таких обрядов даже не записывался, сохраняясь в памяти следующих друг за другом поколений¹⁶. Если непосвященные люди наблюдали за этим обрядом издали, то перевязанные пучки соломы или тростника, которые сбрасывались в Тибр, могли быть приняты ими за изображения людей. Вероятно, тайный характер обряда стал причиной того, что историки и антиквары не имели о нем никаких достоверных сведений. Сохраненный Варроном документ, в котором упомянуты некоторые святилища аргеев, не содержит никаких сведений о самом обряде и только усиливает атмосферу таинственности вокруг *sacra Argeorum*.

Материал, из которого были изготовлены «куклы» – солома или тростник – используется современными исследователями как аргумент в пользу определенного содержания обряда. Так, В. Фаулер высказал предположение, что обряд является примером симпатической магии, цель которой – обеспечить хороший урожай. Так как солома сохраняет дух зерна, то сделанные из нее «куклы», намокая в воде, могут вызвать дождь¹⁷.

¹⁵ Л. Холмэнд считает, что под людьми, законно присутствующими при обряде, следует понимать младших религиозных или гражданских должностных лиц, таких как ликторы и другие помощники (*Holland L. A. Janus and the Bridge. Roma, 1961. P. 314. Note 3*).

¹⁶ Существование тайн в римской религии отметил Фест (*arcana sermonis* – Paul-Fest. P. 14–15 L). О секретности, существовавшей в римской религии, также говорит Варрон (*ap. Aug. C. D. 4.31*).

¹⁷ Fowler W. Warde. *The Roman Festivals of the Period of the Republic. L., 1899. P. 116–121*. Это объяснение обряда аргеев принял Э. Беррис (*Burris E. Taboo, Magic, Spirits. A Study of Primitive Elements in Roman Religion. Westport, 1974. P. 137 f.*). Против понимания церемонии аргеев как обряда плодородия высказался Дж. Фрезер (*Frazer J. G. Op. cit. P. 85 f.*).

При определении содержания церемонии аргеев также обращается внимание на ее место в сакральном календаре. Тринадцатого мая, накануне сбрасывания «кукол» со Свайного моста, заканчиваются Лемурии – дни, отведенные каждой семье для изгнания духов. Изгнание духов в рамках семьи завершалось такой же церемонией 14 мая, которая имела статус общественной. В этом случае церемонию аргеев можно рассматривать в согласии с определением Плутарха как «величайшее из очищений»¹⁸.

Соломенные «куклы» аргеев часто сравниваются с клубками шерсти, которые вывешивались на дверях домов в дни Компиталий и предназначались силам тьмы и смерти в защиту живых. Топография аргейских святилищ показывает их непосредственную близость к святилищам ларов перекрестков¹⁹. Соседство в сакральном календаре обряда на Свайном мосту с Лемуриями, а также его содержательная схожесть с Компиталиями позволяют предположить, что соломенные (или тростниковые) «куклы» сбрасывались в Тибр за души умерших, точнее утонувших в водах Тибра людей.

Культ Отца Тиберина (*Pater Tiberinus*) в Риме был очень древним. Воды Тибра использовались для омовения при подготовке к священнодействиям (Liv. I.45.6; Dion. Hal. I.39, 40). Это божество было включено понтификами в Индигитаменты (*nam et a pontificibus indigitari solet – Serv. Ad Aen. VIII.330*). Культ Тиберина существовал в Риме и в позднереспубликанское время, так как, по свидетельству Цицерона, авгуры продолжали упоминать в своих молитвах Тибр, Спинон, Альмон, Нодин и названия других близлежащих рек (*Tiberinum, Spinonem, Almonem, Nodinum, alia propinquoꝝ fluminum nomina – Cic. De nat. deor. III.52*). Варрон производит имя бога Тиберина от Тибра, то есть тем же способом, что и имена других богов, которые произошли от источников, рек и прочих водоемов²⁰. Поэт Энний сохранил в «Анналах» призыв к Отцу Тиберину²¹. Герой Гораций Коклит перед тем, как спрыгнуть в реку обращается к богу Тиберину со словами: «Отец Тиберин! Тебя смиренно молю: благосклонно прими это оружие и этого воина!» (*Tiberine pater, te sancte precor – Liv. II.10.11*). Может быть, с такими же словами обраца-

¹⁸ Аргейскую церемонию считают иллюстрацией и современные исследователи. Правда, Л. Клеричи называл *lustratio urbis* только церемонию, исполнявшуюся 16 и 17 марта (Clerici L. Op. cit. S. 91). Е. М. Штаерман фактически считает очищением и обход 27 (или 24) святилищ курий, и сбрасывание в Тибр «кукол» (Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 58, 61).

¹⁹ Clerici L. Op. cit. S. 94; Жреческие коллегии. С. 37.

²⁰ *A fontibus et fluminibus ac ceteris aquis dei, ut Tiberinus ab Tiberi* (Varro. L. L. V.71). В каких-то других своих сочинениях Варрон, согласно Сервию, предлагал иные варианты происхождения названия реки Тибр. См.: *Varro Tiberim a Thebri quodam vel a qui ibi perierit, dictum tradit* (Ad Aen. VIII.330). Варрон передает, что Тибр был назван от какого-то фиванца или от того, кто там погиб.

²¹ *Vosque Lares, tectum nostrum qui funditu curant / teque, pater Tiberine, tuo cum flumine sancto* («и вас, лары, которые заботятся о нашем доме, и тебя, отец Тиберин, вместе с твоей священной рекой» – Enn. Ann. I.267–268 Sk.).

лись к Тиберину понтифика, наблюдая, как воды реки принимают соломенных «кукол».

Римляне постоянно заботились об умилостивлении божеств рек, о чем свидетельствует существовавший у них обычай совершать ауспиции перед переправой через реки²². С постройкой Свайного моста можно было уже не прибегать к таким ауспициям и не спрашивать разрешения у божества на причинение ему беспокойства. А чтобы такое пренебрежение не вызвало гнев Тиберина, ему отдавались соломенные «куклы» взамен тех жизней, которые он мог бы поглотить при сохранении естественной переправы через реку. Такое объяснение обряда на Свайном мосту выглядит вполне вероятным²³, но оставляет без объяснения число 27, которым отмечено количество аргейских священных мест и соломенных (или тростниковых) «кукол».

Дионисий Галикарнасский говорит о тридцати похожих на людей изображениях, называвшихся аргеями, предполагая, очевидно, что их число должно соответствовать числу тридцати курий. Варрон, сочинения которого Дионисий, по-видимому, хорошо знал, называет 27 аргейских святилищ и столько же тростниковых «кукол». Дионисий, вероятно, посчитал такое число ошибочным, но его замена на 30 не была произвольной. В ней сохранилось представление о соотношении числа «кукол» с числом территорий, культовыми центрами которых были святилища аргеев. Такое же представление утвердилось в современной историографии и наиболее полно выражено в работе Р. Палмера. Автор утверждает, что аргейские священнодействия указывают на существование 27 курий в Городе, состоявшем из четырех регионов, во время правления Сервия Туллия. Позднее число курий увеличилось до 30²⁴. Если следовать представлению Р. Палмера о том, что образование курий было длительным естественным процессом, то можно предположить, что число 30, появившееся у Дионисия, и было отражением этого процесса.

Совпадение числа «кукол» и святилищ означает, что одна «кукла» приносилась в жертву от одного святилища, точнее, от каждого района, в которых располагались места аргейского культа. Некоторые исследователи, правда, вносят поправку в текст Варрона и предлагают читать вместо числа 27 число 24²⁵. Такая поправка лучше согласуется со ссылкой Варрона на четыре района города, по которым были распределены святилища аргеев. В этом случае в каждом из четырех районов было по шесть святилищ, и за каждое священное место в Тибр сбрасывалась одна «кукла». Однако число 27 следует принять как более надежное и вот почему.

В. Фаулер обратил внимание на то, что в римской религиозной традиции, восходящей к магическим культам, сохранились следы ис-

²² Об ауспициях перед переправой через реки см.: Cic. *De nat. deor.* II.9; *De div.* II.77. Об умилостивлении божества реки см.: Suet. *Jul.* 81.2.

²³ Frazer J. G. *Op. cit.* P. 91 ff.

²⁴ Palmer R. E. A. *The Archaic Community of the Romans.* Camb., 1970. P. 15 ff.

²⁵ Clerici L. *Op. cit.* S. 90.

пользования чисел 3, 9 и 27. Отголоски этой древнейшей традиции встречаются и в сочинениях римских авторов – Варрона (*R. R. I.2*) и Овидия (*Metham. XIV.58*). Известная римлянам девятиночная неделя очень рано превратилась в *trinum nundinum* или период двадцати семи ночей²⁶. Поэтому число 27 в ритуале аргеев выглядит не только оправданным, но и указывает на древнейшее происхождение самого культа. Следовательно, точка зрения Т. Моммзена, что каждая из трех древних триб имела по девять святилищ аргеев, выглядит наиболее естественной. Варрон, очевидно, ошибся, соотнося 27 святилищ с четырьмя районами, возникшими в середине VI в. до н. э. Вероятнее всего, число святилищ отражает время децентрализованного существования поселений на холмах, каждый из которых, по замечанию Варрона (*L. L. V.52*), имел свое название. Святилища располагались на окраинах этих территорий и, возможно, отмечали их границы. Отсюда происходит сходство культа аргеев с культом перекрестков, отразившимся в празднике Компиталий. Поэтому, когда эти поселения были включены в черту города, святилища, как свидетельствует сохранившийся Варроном документ, оказались расположенными вдоль городских стен, а процессия аргеев останавливалась на перекрестках дорог и у городских ворот²⁷. Сгруппированные в границах общей территории святилища стали основой для ее разделения на районы. В таком случае они действительно могли стать, как считает А. Мastrocinqве, оплотом культа территорий в противовес гентильным культам²⁸. Остается ответить на вопрос, для чего использовались эти святилища.

Л. Холленд обратил внимание на то, что 13 мая, накануне сбрасывания в Тибр соломенных «кукол», весталки заканчивали готовить жертвенную муку с солью (*mola salsa*). Поэтому он настаивает на том, что «куклы» были именно из соломы, а не из тростника. Зерно для изготовления муки весталки брали с крошечных символических полей, которые и назывались аргеями. С каждого поля получали один сноп зерна и, таким образом, все 27 районов имели свою долю участия в приготовлении жертвенной муки. Эти поля были священной землей, обработанной и засеянной в ритуальном цикле, который должен был принести изобилие римскому народу²⁹. Впоследствии Р. Палмер предложил толкование церемонии аргеев, близкое по содержанию к концепции Л. Холленда. Согласно Р. Палмеру, в реку ежегодно сбрасывались прошлогодние соломенные палатки, служившие местом совершения аргейских священнодействий по куриям³⁰.

²⁶ Fowler W. Warde. The Number Twenty-Seven in Roman Ritual // CR. 1902. Vol. 16. P. 211 f.

²⁷ О топографии святилищ аргеев, восстановленной на основании Варроновского документа, говорит Л. А. Кофанов. См.: Указ. соч. С. 31–37.

²⁸ Mastrocinqве A. Lucio Iunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana. Trento, 1988. P. 90.

²⁹ Holland L. A. Op. cit. P. 323 f.

³⁰ Palmer R. E. A. Op. cit. P. 90.

Для определения характера мест аргеев обратим внимание на терминологию, которой пользуется сам Варрон, и на ту, которая присутствует в приведенном им документе. Сам Варрон называет аргейские места как *sacraria* (L. L. V.45, 47), так и *sacella* (V.48). Однако в документе эти термины не встречаются. Места аргеев там обозначены порядковыми числительными без какой-либо дополнительной характеристики, в отдельных случаях уточняется их внешний вид. Два священных места находились в дощатых хижинах (*in tabernola* – V.47, 50), одно – *in delubro*, то есть непосредственно в святилище³¹. Еще одно являлось зданием (*aedificium*), причем, судя по контексту, это здание было единственным на все 27 священных мест (*aedificium solum est* (V.52). Оно было никем не занято, тогда как *in delubro* жил храмовый смотритель (*aeditumus*).

Осмелимся предположить, что в документе среди перечисленных священных мест, связанных с аргеями, два места отмечены как использующиеся не по назначению. Оба эти места находились возле (*apud*) храмов – Юноны Луцины и Юпитера Фидиуса – и были превращены в места проживания храмовых смотрителей³². Еще два места оказались «запертыми» внутри каких-то дощатых построек, выросших, возможно, незаконно на священных территориях. Эти замечания проливают свет на время создания документа и его предназначение, но об этом речь пойдет ниже. Остальные священные места, судя по документу, были открытыми огороженными участками³³, то есть были *sacella*³⁴. Использование Варроном для характеристики мест аргеев двух терминов – *sacellum* и *sacrarium*, которые являются у него синонимами³⁵, может свидетельствовать о том, что в его время в повседневном словоупотреблении не придерживались строгих различий. Таким образом, святилищами аргеев изначально были огороженные участки, которые, возможно, использовались как священные поля для выращивания зерна с целью приготовления жертвенной муки. Единственное крытое сооружение (*aedificium*), отмеченное в жреческом до-

³¹ Толкование этого термина со ссылкой на источники см.: Жреческие коллегии. С. 30.

³² Мы не можем согласиться с предложенным А. Л. Кофановым переводом предлога *apud* как «внутри» и принять его утверждение, что священные участки аргеев находились частью внутри храмов (Жреческие коллегии. С. 30).

³³ На то, что они были огорожены указывает тот факт, что со временем на их границах выросли храмы, стены которых оказались пристроенными вплотную (*apud*) к территории священных участков, а также гончарные мастерские, появились места для авгурских наблюдений, были проложены улицы и т. п. См.: Варго. L. L. V.47, 50, 52, 54.

³⁴ *Sacellum* – это технический термин, обозначающий всякое огороженное освященное место, не имеющее крыши. См.: Wissowa G. Op. cit. S. 694.

³⁵ По определению Ульпиана, *sacrarium* – «место, в котором покоятся святыни». См.: *sacrarium est locum, in quo sacra reponuntur* (Dig. 1.8.9.2). Ульпиан также отмечает отличие священного места от святилища (Dig. 1.8.9.1).

кументе, вероятно, было местом хранения священной утвари, которая использовалась для такого производственного процесса.

Производство жертвенной муки подробно описал Сервий. Три самые старшие по возрасту весталки, начиная с майских нон и заканчивая днем перед майскими идами (то есть 13 мая), через день снимают полбенные колосья и кладут их в специальные корзины, приготовленные для жатвы. Весталки сами высушивают эти колосья, толкут их, мелют и уже смелотые убирают на хранение. Трижды в году из этого зерна они готовят муку, добавляя в нее поваренную и твердую соль³⁶. Как следует из описания Сервия, весталки сами проводили жатву. Поэтому для работы на священных полях они использовали жертвенный нож (*secespita*). Этот нож применялся при совершении жертвоприношений также фламминиками и понтификами (*secespita autem est culter oblongus ferreus, ... quo <flamines>, flaminicae, virgines pontificesque ad sacrificia utuntur – Ad Aen. IV.262*). Все они являлись участниками аргейской церемонии. Следовательно, мы можем предположить, что среди священной утвари, хранившейся в единственном крытом сооружении, были корзины и специальные ножи. Там же могли быть установлены печи для просушки полбы, аналогичные тем, которыми пользовались крестьяне³⁷. Работа весталок по сбору и обработке священного урожая была важным этапом подготовки к жертвоприношениям (*sacrificia*), в проведение которых они вносили свой вклад. Сказанное согласуется с характеристикой Ливием мест аргеев как *loca sacris faciundis* – мест для совершения священнодействий, которые вливались в обряд, совершавшийся на Свайном мосту.

Таким образом, мы вправе предположить следующее. Во-первых, культ аргеев восходит к догородской стадии существования Рима. Во-вторых, он состоит из двух церемоний: одна – обход священных аргейских мест (то есть полей) – проходила 16 и 17 марта и являлась древнейшей частью обряда. Обход священных полей был связан с прополкой (*runcatio*) будущего урожая, которая, по свидетельству Плиния Старшего, приходилась на период ранней весны (*tum et segetes convenit purgare, sarire hibernas fruges maximeque far – Nat. hist. XVIII.241*). Сбор священного урожая и обмолот зерна проходил, по свидетельству Сервия, в мае и заканчивался 13 мая. Оставшаяся от этого производственного процесса солома вязалась в пучки, которые 14 мая сбрасывались в Тибр, напоминая издали непосвященным человеческие изображения. Этот обряд составлял второй «акт» священнодействий аргеев. Церемония в целом была связана с заботой о благополучии каждого поселения, вошедшего в состав древнейшего города, и одновременно

³⁶ *Sparge molam far et salem. Hoc nomen de sacris tractum est: far enim pium, id est mola casta, salsa ... ita fit: virgines Vestales tres maximae ex nonis Maiis ad pridie idus Maias alterius diebus spicas adreas in corribus messuariis ponunt easque spicas ipsae virgines torrent, pinsunt, molunt atque ita molitum condunt. Ex eo farre virgines ter in anno molam faciunt, Lupercalibus, Vestalibus, idibus septembribus, adiecto sale cocto et sale duro (Serv. Ad Bucol. VIII.82).*

³⁷ О существовании таких печей говорит Овидий (*Fasti. VI.313*).

имела все признаки очистительного обряда. Завершающим ее этапом было очищение храма Весты от скопившегося в нем мусора, которое заканчивалось 15 июня. Вынос мусора из храма Весты относился к числу очистительных обрядов, имевших значение для Города в целом³⁸.

Установлению первоначального содержания аргейской церемонии может способствовать тот факт, что из зерен, отходы от обмолота которых сбрасывались в Тибр, три весталки готовили муку в Весталии – праздник в честь своей богини Весты, в сентябрьские иды и в Луперкалии. Значит, в этих праздниках, в том числе и в Луперкалиях, весталки принимали какое-то участие.

Луперкалии справлялись 15 февраля, то есть в последний месяц года, согласно древнейшему календарю. В этот месяц приносились жертвы умершим (Ovid. *Fasti*. II.33; Plut. *Q. R.* 19; *Numa*. 19) и подземным богам (Varro. *L. L.* VI.34). 15 февраля приходится на третий день *dies parentales*, когда нужно было умиловить умерших (Ovid. *Fasti*. II.533–70; Varro. *L. L.* VI.13; Paul-Fest. p. 75–76 L; Lyd. *De mens.* 4.29). Одновременно этот месяц считался очистительным (Ovid. *Fasti*. II.31–2; Plut. *Rom.* 21, *Numa*. 19; Macrobian. *Sat.* I.13.3). Для ритуалов луперков античные авторы также признавали очистительный аспект (Varro. *L. L.* VI.13, 34; Dion. Hal. *Ant. Rom.* I.80; Plut. *Rom.* 21; *Q. R.* 68, 111; Fest. p. 75–76 L), а ритуал очищения воспринимался как изначальная защита от влияния мертвых³⁹. Другой стороной этого культа, также связанной с очищением, было обеспечение плодородия животных и человека⁴⁰. Тот же самый мотив – очищение и плодородие – присутствует и в церемонии аргеев, причем очищение (сбрасывание соломенных снопиков в реку) соседствует в календаре с последними в мае Лемуриями (13 мая), когда живые защищали себя от духов мертвых. В этот же день весталки заканчивали обмолот колосьев, собранных с полей аргеев. Ритуалы аргеев и луперков не предназначались какому-либо божееству⁴¹, что уже само по себе свидетельствует об их глубокой древности и магическом значении⁴².

³⁸ *Matronara G. Mito storica ideologia nella Roma antica.* Palermo, 1988. P. 179.

³⁹ *Michels A. K. The Topography and Interpretation of Lupercalia // TAPhA.* 1953. Vol. 84. P. 48. Автор считает, что бег луперков через долину Форума, служившую местом погребения для обитателей холмов, отмечал границу между царством живых и мертвых (*ibid.*).

⁴⁰ Современные исследователи акцентируют в Луперкалиях или очистительный аспект праздника (*Bailey C. Phases in the Religion of Ancient Rome.* Berkeley, 1932. P. 19; *Michels A. K. Op. cit.* P. 48; *Evans E. C. The Cults of the Sabine Territory.* N. Y., 1939. P. 242; *Нетушил И. В. Луперк, луперки, луперкалии // ФО.* 1892. Т. 3. Кн. 1. С. 59), либо заботу о плодородии (*Ogilvie R. M. The Romans and their Gods in the Age of Augustus.* L., 1969. P. 77), либо соединяют оба начала в одном празднике (*Weinstock S. Divus Julius.* Oxf., 1971. P. 332). Особняком стоит мнение Ж. Дюмезиля, А. Альфельди и Л. Колленда, которое изначальное связывает Луперкалии с божественной царской властью. Об этом см.: *Holleman A. W. An Enigmatic Function of the Flamen Dialis (Ovid. Fasti. II.282) and the Augustan Reform // Numen.* 1973. Vol. 20. P. 228.

⁴¹ Античные авторы связывали культ луперков с различными божеествами. Об этом см.: Жреческие коллегии. С. 251 со ссылкой на источники. Т. Вайзман считает божееством,

И Луперкалии, и церемония аргеев проходили при участии фламина Юпитера в первом случае (Ovid. *Fasti*. II.282), и его жены – фламиники – во втором (Gell. X.15.30; Plut. *Q. R.* 86). Фламиника помогала весталкам при обходе священных мест и присутствовала на майской церемонии. В обоих случаях она не причесывалась⁴³, а во время майской церемонии она избегала омовения, не носила украшений и вообще должна была иметь угрюмый вид. Пренебрежение к внешнему виду считалось признаком скорби и поддерживало представление о человеческих жертвоприношениях, совершавшихся изначально на Свайном мосту.

В то же время фламиника участвовала в празднестве салиев 1 марта, и ей также предписывалось «волосы не убирать и непричесанной быть» (*His etiam coniunx apicati cincta Dialis / lucibus inpexas debet habere comas* – Ovid. *Fasti*. III.397). Маршрут шествия салиев в этот день пролегал от Палатина к Форуму, а затем они обходили Город по периметру древнейшего померия. Как и аргеи, салии не просто шествовали по Городу, они обходили алтари⁴⁴. Запрет причесываться и остригать ногти распространялся на фламиникку и в первой половине июня вплоть до дня очищения храма Весты (15 июня – VI.227–29). И это тоже было свидетельством скорби. Запрет действовал с первых дней июня месяца, который начинался Карналиями – праздником в честь Карны – защитницы детей и хранительницы внутренних органов человека (VI.106–168).

Как видно из приведенных примеров, печальный вид фламиники никак не связан с ее возможным участием в человеческих жертвоприношениях. Во всех случаях участие фламина и фламиники было связано с ритуалами начала выгона скота на зазеленевшие луга⁴⁵, пробуждения связанных с войной сил⁴⁶, а также – с восходом посевов на священных полях аргеев. Одновременно табу, возложенные на фламиникку, начинали действовать и в праздничные дни, предназначенные для защиты людей (Карналии). И это также связывает ее с культом аргеев, частью которого была майская церемония, защищавшая живых от возможной гибели в водах Тибра.

Первоначально весталки сбрасывали оставшуюся после обмолота зерна солому в Тибр прямо с берега. Память об этом времени, очевид-

связанным с луперками, аркадского Пана, культ которого начал проникать в Рим не ранее V в. до н. э. (Wiseman T. P. *Remus: A Roman Myth*. Camb., 1995. P. 85 f.).

⁴² О следах магических обрядов в культе луперков см.: *Burris E.* Op. cit. P. 161; *Bailey C.* Op. cit. P. 19; Жреческие коллегии. С. 259.

⁴³ О прическе фламиники: *Varro L. L.* VII.44; *Gell. N. A.* X.15.26; *Fest.* p. 484–486 L; *Paul-Fest.* p. 485 L; *Serv. Ad Aen* IV.137. См. также: *Bonfante Warren L.* *Roman Costumes. A Glossary and Some Etruscan Derivations* // ANRW. 1973. 1. 4. P. 614.

⁴⁴ На такое содержание шествия салиев обратил внимание В. Н. Токмаков. См.: Жреческие коллегии. С. 190 со ссылкой на Сервия (*Ad Aen.* VIII.285).

⁴⁵ Таково, по убеждению А. М. Сморгчова, первоначальное содержание Луперкалий. См.: Жреческие коллегии. С. 253.

⁴⁶ Как убедительно доказал В. Н. Токмаков, таков был смысл ритуала салиев. См.: Жреческие коллегии. С. 197.

но, сохранилась в легенде о происхождении острова Тиберина (*insula Tiberina*), которую рассказывает Ливий (II.5.3–4). Происхождение острова Ливий связал с разграблением имущества изгнанных Тарквиниев, однако, в рассказе сохранились детали, которые указывают на сходство действий разгневанного народа с действиями весталок при сборе урожая со священных полей аргеев. Во-первых, урожай с «пашни Тарквиниев» был священным (*fructum religiosum*) и им нельзя было пользоваться. Во-вторых, народ, сжав хлеб, вместе с соломой (*cum stramento*) высыпал его корзинами (*corbibus*) в Тибр. Последнее замечание вызывает удивление тем, что в реку сбрасывается не только зерно, но и солома, причем люди используют для этой цели корзины, которые напоминают *corbes messuarii*, использовавшиеся весталками для сбора урожая. По Ливию, для образования острова оказалось достаточным зерна и соломы одного урожая, тогда как в действительности этот процесс проходил на глазах не одного поколения горожан. Отходы от обработки священного урожая сбрасывались в Тибр и покрывались наносами ила, образовав со временем участок суши. С постройкой Свайного моста мусор и «кукол» удобнее стало сбрасывать оттуда, чтобы все это, попав в русло реки, не препятствовало ее свободному течению⁴⁷.

Остановимся еще раз на материале, из которого были сделаны «куклы». Варрон называет тростник, Овидий же называет и солому и тростник. Учитывая все, что было сказано о культе аргеев и месте их церемонии в сакральном календаре, можно предположить, что мы имеем дело с двумя близкими по содержанию, но самостоятельными по значению действиями, составляющими церемонию аргеев. В мае с моста сбрасывали соломенных «кукол», появление которых объясняется окончанием сельскохозяйственных работ на священных полях. Откуда произошло представление об их сходстве с человеческими фигурами, мы уже объяснили. Печальный вид фламимики сродни трауру дочерей во время похорон родителей (Plut. Q. R. 14). Печалью и молчанием также окружались гробницы героев⁴⁸. Фест говорит о том, что места аргеев были местами погребения знатных аргиев. О таком же предназначении аргейских святилищ свидетельствует Варрон. Такое же, в сущности, объяснение майского обряда (из трех предложенных) принимает Овидий. Отсюда можно сделать вывод о том, что майская церемония имела значение погребального культа, в котором, возможно, нашел отражение культ героев.

В то же время, как уже отмечалось, церемония имела очистительный характер, что выразилось в очистке храма Весты (15 июня), то есть выносе из него накопившегося за год мусора. По свидетельству Овидия, храм Весты в древнейшие времена был крыт тростником и его стены были сплетены из «гибкой лозы» (*Fasti*. VI.261–2). Конечно, Овидий отдавал дань «моде» Августова века – идеализации скромного образа жизни и

⁴⁷ Для сравнения можно вспомнить судьбу Ромула и Рема. Они были вынесены в корзине фактически из храма Весты. Близнецы спаслись только потому, что не попали в русло реки (Liv. I.4.4). В противном случае их унесло бы в море.

⁴⁸ *Mastrocinque A. Op. cit.* P. 89. N. 28.

строгих нравов предков. Но, по всей видимости, тростник, который в изобилии рос поблизости (*Fasti*. VI.411), действительно мог использоваться в общественных и частных постройках догородского периода. В этой связи следует упомянуть «Дом Ромула» (*Casa Romuli*), который вплоть до времени своего уничтожения в огне пожара, охватившего Рим при Августе, сохранялся как святины римского народа в первозданном виде, крытый соломой (*Dio Cass.* XLVIII.43.4; καὶ περὶ ἄλλα τε τῆς πόλεως συχνὰ καὶ ἡ τοῦ Ῥωμίλου σκητὴ ἐκαίθη, κοράκων κρέα ἐς αὐτὴν ἐκ βωμοῦ τινος ἔμπυρα ἐμβάλοντων – LIV.29.8). Поэтому свидетельство Овидия о внешнем облике древнейшего храма Весты представляется вполне правдоподобным. Использование тростника в качестве строительного материала требовало постоянного подновления и замены отдельных частей сооружения. Такие работы приводили к скоплению строительного мусора, от которого можно было избавиться, сбросив его в реку. Удобнее всего это было сделать, связав в снопики старые тростниковые стебли. Со временем, когда строительная техника изменилась, обычай вязать тростниковые «куклы» мог сохраниться как напоминание о некогда существовавшей практике.

Таким образом, культ аргеев не имел ничего общего с человеческими жертвоприношениями. Античная традиция не оставила названия обряда, но сохранила название священных мест, которые обходила процессия аргеев до того, как она отправлялась к Свайному мосту. Свидетельства античных авторов об аргеях оставляют противоречивое чувство. С одной стороны, они предлагают разнообразные толкования этого обряда, с другой – церемония аргеев окутана таинственностью и мраком. В такой ситуации напрашивается вопрос: не связано ли одно с другим? Не заменяет ли существующее разнообразие толкований место действительного знания? Подобный вопрос оправдан уже тем, что объяснения церемонии аргеев в источниках зиждутся на двух опорах – на существовании «кукол» и на названии «аргеи». Поэтому можно предположить, что часто взаимоиключающие объяснения – результат сознательной демонстрации незнания, связанного с уважением традиционной таинственности, окружавшей многие римские культы⁴⁹.

Время и причины появления документа

Осталось выяснить время создания документа и его назначение. Мы уже обратили внимание на тот факт, что список аргейских священных мест в сохраненном Варроном документе является неполным. В первую очередь в нем отмечались те места, которые уже использовались не по назначению. Остальные по каким-то причинам могли стать привлекательными для потенциальных застройщиков и потому попали в опись.

Как свидетельствует Ливий, Рим столкнулся с подобной ситуацией уже в начале II в. до н. э. Цензоры 180 г. до н. э. М. Эмилий Лепид и М. Фульвий Нобилиор вернули небольшим общественным святилищам,

⁴⁹ Об уважении традиционной *arcana* в римской религии говорит Л. Холленд (*Holland L. A. Op. cit.* P. 329).

занятым к тому времени частными лицами, их прежний статус и сделали их доступными для народа (*complura sacella publica que loca, occupata a privatis, publica sacra que ut essent paterent que populo curarunt* – XL.51.8). Примечательно то, что М. Эмилий Лепид одновременно был великим понтификом. Очевидно, он решил заняться решением этой проблемы, ставшей уже актуальной для Рима, опираясь на авторитет главы государственного культа и блюстителя традиций гражданского коллектива.

Подобная практика, вероятно, приносила лишь временный результат. Наступление частных лиц на существовавшие издревле священные территории, которые уже к концу III в. до н. э. оказались в центральных районах Города⁵⁰, продолжалось. Поэтому неудивительно, что император Август ставил себе в заслугу восстановление восьмидесяти двух храмов, причем делал он это в соответствии с предписанием сената (*RgdA.* 20). Мы можем предположить, что составлению такого списка предшествовала тщательная инвентаризация древних святилищ, пришедших в упадок из-за потери многими куклами своего прежнего значения. Некогда священные территории становились объектами частных интересов. С такой ситуацией необходимо было бороться, и эту обязанность взял на себя римский сенат, назначив комиссию с целью сохранения святилищ и храмов. По итогам работы комиссии было составлено сенатское предписание.

Такая же судьба, по всей видимости, постигла и священные места аргеев. Поэтому сохраненный Варроном документ представляет собой опись пострадавших и наиболее уязвимых аргейских мест. О времени составления этого документа может свидетельствовать употребляемая в нем двойная ориентировка священных территорий – по регионам Города и по более поздним сооружениям. Так, согласно Варрону, в документе было записано, что святилище *Caeriolensis* находится между Целием и Каринами, и одновременно указывается на его расположение рядом с храмом Минервы (*Minervium* – Варто. *L. L.* V.47)⁵¹. На это обстоятельство исследователи уже обращали внимание⁵². Храм Минервы, расположенный недалеко от Целийского холма, упоминает Овидий и называет его храмом «Капта Минерва» (Минервы-пленницы – *captae delubra Minervae* – *Fasti.* III.835 sqq.). На этом основании можно утверждать, что *Minervium* у Варрона тождественен храму *Capta Minerva* у Овидия. Этот храм, о чем свидетельствует его название, был построен в честь победы, одержанной римлянами над фалисками в 241 г. до н. э. (*Ovid. Fasti.* III.843–4)⁵³. Следовательно, ссылака на *Minervium* указывает на время составления жреческого документа: не ранее второй половины III в. до н. э.

⁵⁰ Р. Палмер обратил внимание на то, что 27 аргейских часовен находились в пределах *urbs* (*Palmer R. E. A. Op. cit.* P. 140).

⁵¹ Карины представляли собой известный квартал древнего Рима. Об этимологии этого названия спорили уже в древности. См.: *Serv. Ad Aen.* VIII.361.

⁵² *Palmer R. E. A. Op. cit.* P. 95; *Маяк И. А.* Рим первых царей. Генезис римского поляса. М., 1983. С. 102.

⁵³ О войнах римлян с фалисками: *Liv.* V.26.3–27.15; *Plut. Camil.* 10. О времени постройки храма см.: *Clerici L. Op. cit.* S. 95. Апп. 1.

Как следует из вышесказанного, культ аргеев не имел специальных жрецов. В нем принимали участие весталки, фламиника и понтифики, которые контролировали всю церемонию. Поэтому опись священных мест аргеев была предпринята по их инициативе и стала одним из документов, созданных коллегией понтификов. О том, что документ под названием «Священнодействия Аргеев» происходит именно из понтификальной среды, свидетельствует Ливий, отмечая, что именно понтифики назвали «аргеями» определенные места, предназначенные для священнодействий (*multa alia sacrificia locaque sacris faciendis quae Argeos pontifices vocant dedicavit* – Liv. I.21.5). Но документ создавался, по всей видимости, для нужд гражданского коллектива, поэтому в нем были зафиксированы не все 27 аргейских святилищ, а только те, которые испытали на себе экспансию других культов или интересов частных лиц.

OLGA V. SIDOROVICH (MOSCOW) SACRA ARGEORUM AS A SACERDOTAL DOCUMENT

Varro in his work *De lingua Latina* cites the document named *Sacra Argeorum*. This document illustrates Varro's information about sacral topography of the earliest Roman territory related to the Argean ceremony. But the list of these sacred areas Varro referred to is incomplete. The document mentions only 14 out of the well-known 27 Argean territories. This circumstance puts the following questions: first, does this document relate to the sacerdotal one; second, when and with what purpose it was composed.

The analysis of the document, together with the attendant information from other sources, allows us to make the following conclusions. This document mentions only those sacred Argean areas that had been improperly used before. Two of them became residential places for some temple keepers. The other two were blocked inside some ligneous buildings constructed illegally in this territory. The rest were enclosed plots in the open air (*sacella*). They may have been attractive to the builders as they were located in the centre of Rome, and that is why they were included in the list. Livy notes that such situation was common for the Romans from the early II B. C. Thus, Varro's document lists the most vulnerable Argean areas. The pontiffs who were in charge of the Argean ceremony drew up this record in the second half of the III B. C. As this document reflects the need for *civitas* to protect its sanctuaries, it focuses on those 14 sacred areas out of 27 that were influenced by other cults or private persons.

As the primordial sanctuaries belonged to Argei, they were enclosed plots used as sacred fields for cultivating cereals to prepare flour meant for sacrifice of the City's purification. The only roofed over construction (*aedificium*) mentioned in the document was the place of restoration of sacred utensils used for flour production.